

Чэнь Шан никогда не отличался кротким нравом, но ради Цинь Шу он был готов на всё.

Цинь Шу тоже нельзя было назвать мягкотелым, однако за сотни лет, проведенных в обличье человека и духа, он научился терпению — возраст Чэнь Шана не шел ни в какое сравнение с его собственным жизненным опытом. В эпоху, когда Цинь Шу жил впервые, даже супруги часто спали в разных комнатах, соблюдая дистанцию. Но годы, проведенные с Чэнь Шаном, оставили в его душе след более глубокий, чем воспоминания о ком-либо другом.

Их отношения были полны страсти, споров и взаимных уступок. И теперь, оглядываясь назад, Цинь Шу понимал: всё это, до последней мелочи, было ему бесконечно дорого.

Порой его даже пугала сила этой привязанности — он и представить не мог, что способен так сильно полюбить.

Однажды ночью, когда они были близки, Цинь Шу отчетливо почувствовал, что силы Чэнь Шана уже не те, что прежде. В ту ночь он долго не мог сомкнуть глаз, глядя на спящего партнера. Тревога достигла предела, когда утром он заметил в волосах Чэнь Шана первую седую прядь.

Чэнь Шан быстро почуял неладное. Пронаблюдав за ним несколько дней, он заметил, как Цинь Шу замирает, подолгу вглядываясь в его поседевшую макушку.

— Что, — без обиняков спросил он, — уже брезгуешь стариком?

Это была лишь шутка. Пройдя вместе сквозь десятилетия, Чэнь Шан знал: сердце Цинь Шу принадлежит ему без остатка. Он никак не ожидал, что в ответ на эти слова веки Цинь Шу внезапно покраснеют.

Грозный делец, привыкший к жестоким схваткам в мире бизнеса, мгновенно растерялся. Он принялся бессвязно утешать его:

— Ну даже если я постарею, всё равно буду чертовски красивым дедом. Цинь Шу, ну ты чего? У меня такое чувство, будто ты меня уже заживо хоронишь.

Слова Чэнь Шана только ранили сильнее. Больше всего на свете Цинь Шу сейчас страшился смерти. Это было неизбежное будущее: старость и уход — естественный закон жизни.

Казалось бы, он должен радоваться: он пройдет с любимым весь путь до конца и успешно завершит задание. Но на сердце у Цинь Шу была лишь горечь. Чэнь Шан умрет, а он, как Посланец реинкарнации, продолжит свое бесконечное существование. Ему придется брать новые заказы, играть чувствами других людей... Одна только мысль об этом была невыносима.

Возможно, он мог бы выбрать перерождение вместе с Чэнь Шаном, но Цинь Шу как никто другой знал, насколько это сложно. При нынешнем уровне рождаемости вероятность воплотиться в одном государстве не дотягивала и до десяти процентов. Шанс же встретиться вновь в следующей жизни равнялся миллиардной доле — и это был идеальный расклад. Если удача отвернется, они будут обречены на вечную разлуку.

Видя, что утешения не помогают, Чэнь Шан просто передал все дела племяннику, Чэнь Ли, и решил увезти упрямого старика в кругосветное путешествие.

Цинь Шу поначалу сопротивлялся. Здоровье Чэнь Шана шло на спад, и ему не следовало утомлять себя разъездами. Но за долгие годы он так разбаловал своего спутника, что теперь не мог ему отказать.

— Мы полжизни пахали без продыху, пора бы и отдохнуть. Неужели ты не хочешь побыть со мной наедине?

Этот аргумент бил в самое больное место. Раз Чэнь Шан хотел путешествовать — значит, они поедут. Пока еще есть силы ходить, они увидят весь мир.

Следующие десять лет они провели в пути.

Они могли на целый год осесть в тихом городке на воде или ненадолго задержаться в рыбацкой деревушке у моря. Любовались цветением рапса и перелетом птиц, ловили взглядом хвосты падающих звезд и всполохи полярного сияния.

Однажды, глядя на далекие заснеженные пики Аляски, Цинь Шу вдруг негромко рассмеялся.

Чэнь Шан оторвал взгляд от бескрайней прерии и спросил:

— Ты чего смеешься?

Цинь Шу сжал его руку:

— Просто вспомнил одну твою старую шутку.

— Какую? — оживился Чэнь Шан.

Цинь Шу посмотрел вдаль:

— Ты когда-то сказал, что моё чувство юмора зарыто где-то здесь, на вершинах Аляски.

Чэнь Шан нахмурился, пытаясь вспомнить, но через минуту покачал головой:

— Да? Не помню такого.

У Чэнь Шана всегда была отменная память, он хранил в голове каждую мелочь. Услышав это «не помню», Цинь Шу почувствовал, как в груди образовалась пустота.

Он начал присматриваться и вскоре осознал: память Чэнь Шана начала ускользать, словно бумажный змей с оборванной нитью. Процесс шел пугающе быстро — Цинь Шу не успел даже опомниться.

Обследование у местных врачей не принесло утешения. Спустя месяц они вернулись на родину.

Узнав о возвращении дядей, Чэнь Ли приехал навестить их вместе с семьей.

Чэнь Шан долго разглядывал его, а потом, словно его осенило, радостно воскликнул:

— О, старший брат пришел!

Чэнь Ли уже знал от Цинь Шу, что у дяди прогрессирует забывчивость, но увидеть это своими глазами было невыносимо. Его родители ушли три года назад, и Чэнь Шан остался последним из старшего поколения. Дядя любил его как сына с самого детства, а теперь... не узнавал?

Пятидесятилетний Чэнь Ли не выдержал и разрыдался.

Чэнь Шан посмотрел на него с недоумением, тут же забыл о происшедшем и ушел на кухню мыть фрукты.

Видя это, Чэнь Ли расстроился еще сильнее. С трудом уняв слезы, он проговорил:

— Дядя Цинь, переезжайте в старое поместье. Так мне будет спокойнее.

— Знаю, что ты из добрых побуждений, — мягко отказался Цинь Шу, — но я сам о нем позабочусь.

Чэнь Ли хотел было возразить, но с кухни донесся звон разбитой посуды. Все бросились туда.

Чэнь Шан растерянно смотрел на осколки фарфора. Встретив взгляд Цинь Шу, он поспешно оправдался:

— Это не я разбил! Она сама упала, честное слово. Можешь даже камеры проверить!

Цинь Шу первым делом осмотрел его руки и ноги. Заметив небольшую царапину на пальце ноги, он облегченно выдохнул — рана была пустяковой. Чэнь Шан всё еще испуганно косился на него, и Цинь Шу, взяв его за руку, вывел в гостиную.

— Я уже проверил камеры, — ласково сказал он. — Тарелка и впрямь упала сама. Ты тут ни при чем.

Чэнь Шан довольно прищурился, и в уголках его глаз собрались морщинки:

— Вот видишь! А я что говорил!

Цинь Шу погладил его по плечу, как ребенка:

— Да-да, не ты.

У Чэнь Ли снова защипало в глазах. Он поспешно отвернулся, нашел веник и принялся собирать осколки. Его жена помогала ему, а сына, Чэнь Сяо, она выставила из кухни:

— Иди, посиди с дедушкой.

Чэнь Сяо понимал, что отцу сейчас нужно побыть одному, и вышел в гостиную. Там он увидел своего двоюродного деда, который с кроткой улыбкой наблюдал за тем, как дедушка Цинь обрабатывает ему царапину.

Движения Цинь Шу были предельно бережными:

— Больно?

Дедушка Чэнь улыбался, но вредно проворчал:

— Немножко больно. Что ж ты такой неуклюжий!

Цинь Шу поднял на него взгляд и тихо рассмеялся:

— Виноват. Буду еще осторожнее.

Чэнь Сяо замер, боясь нарушить этот момент. Он не мог подобрать слов, но в ту минуту он ясно увидел: между этими двумя стариками всё еще живет настоящая любовь.

Когда Чэнь Ли закончил на кухне, его дядя уже уснул на диване.

— Оставайтесь на ужин, — тоном, не терпящим возражений, распорядился Цинь Шу.

Гости хотели помочь, но Цинь Шу выставил их вон. Семья из трех человек сидела в тишине, слушая звуки с кухни и оберегая сон старика.

Наконец Чэнь Сяо не выдержал:

— Пап, мне кажется, дедушка Цинь просто хотел показать, что он справится.

Чэнь Ли посмотрел в сторону кухни:

— Да... Твой дед Цинь всегда был невероятно сильным человеком.

Чэнь Сяо коснулся нефритовой подвески на шее — подарка на окончание университета, который Цинь Шу вырезал сам. Несмотря на то что деду Цинь перевалило за семьдесят, в нем не было и тени старческой немощи.

— Пап, он никогда не стал бы рисковать здоровьем дедушки Чэнь. Поверь ему.

Жена Чэнь Ли поддержала сына:

— Все камеры у них дома выведены к нам на пультах. Будем навещать их каждую неделю. Если Цинь Шу станет тяжело, он сам скажет. Не спорь с ним, ладно?

Чэнь Ли лишь горько усмехнулся. С этим человеком не мог совладать даже его покойный отец, куда уж племяннику. Но сердце всё равно болело при виде угасающего дяди и престарелого Цинь Шу.

Дверь кухни распахнулась, и по дому поплыл умопомрачительный аромат.

— Накрывайте на стол, будем обедать!

— Идем!

Пока Чэнь Ли вытирал стол, а жена с сыном носили блюда, они не переставали удивляться. Четыре блюда и суп выглядели так, словно их готовил шеф-повар.

— Дедушка Цинь совсем не выглядит на свои годы, — шепнула мать сыну.

Чэнь Сяо шмыгнул носом:

— Главное, что дедушка Чэнь его не забыл.

Чэнь Шана разбудили. Сначала он огляделся с легким замешательством. Цинь Шу отвел его умыться и привел к столу.

— Мы же только что ели? — удивился Чэнь Шан. — Зачем опять?

Цинь Шу не моргнув глазом соврал:

— Ты забыл? Ты съел всего кусочек торта. Разве ты не голоден?

Чэнь Шан погладил себя по животу:

— Кажется, и впрямь проголодался...

Шло время. Иногда Чэнь Шан узнавал Цинь Шу, но чаще он видел в нем лишь доброго незнакомца. Однако даже когда память окончательно стерлась, он инстинктивно тянулся к нему, доверяя без остатка.

Цинь Шу заботился о нем безупречно. Чэнь Шан всегда выглядел опрятно и свежо — и дома, и на прогулках.

Все в округе знали эту пару: один — прославленный ученый, другой — известный бизнесмен. Они прошли вместе путь от пылкой юности до глубокой старости. Эти два седовласых статных старика стали живой легендой района. Утром их видели гуляющими рука об руку, а на закате они любили посидеть на скамейке, провожая уходящее солнце.

При виде этих двоих люди невольно улыбались — они стали символом верности для целых двух поколений.

Одним осенним утром Цинь Шу проснулся и увидел, что Чэнь Шан внимательно на него смотрит. В его некогда сияющих миндалевидных глазах больше не было прежнего блеска, но сердце Цинь Шу всё равно пропустило удар. Он увидел в этом взгляде осознанность и нежность.

«Вспышка перед угасанием!» — пронеслось в голове.

Неужели этот день настал?

подавив бурю в душе, Цинь Шу коснулся его лба:

— Проснулся и молчишь. Ну, говори, чего хочешь на завтрак? Твой муж сегодня приготовит что угодно!

Чэнь Шан слабо улынулся, услышав это «муж».

— Я ничего не хочу... — Он просто продолжал смотреть на него, словно пытался насмотреться на целую вечность вперед. Он так давно не видел своего Цинь Шу по-настоящему.

Цинь Шу почувствовал, как к горлу подкатил ком, и отвел взгляд.

Чэнь Шан не дал ему отвернуться:

— Позволь мне посмотреть на тебя. Вдруг я скоро больше не смогу этого сделать.

— Хорошо... — голос Цинь Шу дрогнул, глаза затуманились. — Позвать Чэнь Ли?

Чэнь Шан остался верен себе до конца:

— Нет. Хочу быть только с тобой.

Цинь Шу погладил его по виску:

— Он же будет плакать, если ты так уйдешь.

Чэнь Шан поморщился, представив, как племянник будет заливаться слезами, и нехотя уступил:

— Ладно. Позвони ему чуть позже.

— Как скажешь. Всё сделаю, как ты хочешь.

Солнце поднималось всё выше, а в комнате не смолкал их тихий шепот. За долгую совместную жизнь у них накопилось слишком много прекрасного, о чем стоило вспомнить.

Чэнь Шан чувствовал себя счастливым. В самом конце пути к нему вернулась память. В

юности его баловал брат, потом всю жизнь обожал любимый человек, а теперь и племянник окружил заботой. Успешная карьера, идеальная семья — все его желания исполнились. Он мог уйти без тени сожаления.

В конце концов он бросил последний взгляд на прибежавшего племянника и мирно закрыл глаза на руках у Цинь Шу.

Цинь Шу прижал его к себе, не сдерживая слез. Он нарушил обещание — он так и не смог уберечь его до ста лет.

Душа вернулась в Преисподнюю, в ту самую комнату, обставленную под старину. Но Цинь Шу чувствовал себя уже совсем иначе. Глядя на карту миссии, он словно всё еще видел перед собой улыбку Чэнь Шана.

«Я и впрямь никудышный исполнитель...»

Он провел пальцем по карте, и на ней проступили мелкие строки отчета:

[Имя: Цинь Шу]

[Департамент: Департамент Законов Преисподней]

[Должность: Посланец реинкарнации особого класса]

[Совмещение: Странствующий в мире живых (командировка)]

[Оклад: 406 (после вычета налогов)]

[Надбавка: 96]

[Накопленная Иньская жизнь: 1312]

Цинь Шу уставился на слова «после вычета налогов». Мозг мгновенно выдал расчет: он провел с Чэнь Шаном пятьдесят восемь лет. Если считать по десятикратному тарифу... С него содрали тридцать процентов Иньской жизни! От осознания этого факта горечь разлуки даже немного притупилась.

Раньше Иньская жизнь была для него лишь гарантией того, что он не попадет в круговорот перерождений. Теперь же это был его капитал, на который он надеялся найти своего мужа.

На задания его отправляли принудительно, заставляя авансом оплачивать все расходы, а по завершении — отбирали львиную долю заработанного.

В мире живых налоги идут на благо общества. А в Преисподней? На постройку девятнадцатого круга ада?

Цинь Шу обдало ледяной яростью. Он тут же набрал номер Цуй Цзюэ:

— Владыка, с каких это пор в Преисподней ввели подоходный налог?

— Твоя миссия — случай особый, — раздался в трубке привычный замогильный голос. — Это не работа, а сплошной курорт, о таком даже Владыки десяти залов мечтают. Так что плати и не жалуйся. — Тон Цуй Цзюэ был недвусмысленным. — Раз вернулся, дуй к Мэн-по.

— А как же бонусы? — не отступал Цинь Шу.

— Бонусы начисляются в баллах, — устало выдохнул Владыка Цуй. — Когда запустим мобильное приложение, сможешь обменять их на товары. Но там есть ограничения по уровню.

Цинь Шу аж передернуло от этого «приложения». Мозг, обычно работавший как часы, на миг завис. Придя в себя, он еще раз изучил карту миссии с обеих сторон.

— Я не вижу никаких баллов.

— Потому что приложение еще в разработке. Не переживай, мы внедряем новую систему, сейчас идет второй этап обновления. Как только закончим, всё капнет на твой счет. Мы своих не обманываем.

Цинь Шу промолчал. Цуй Цзюэ, понимая, что ценного кадра нужно подбодрить, добавил:

— Послушай, ты ведь отсутствовал всего несколько дней по нашему времени, а твой срок жизни уже перевалил за тысячу лет. Еще три-четыре таких захода — и сможешь бездельничать целые столетия. Не мелочись.

Владыка Цуй пустился в красноречивые рассуждения:

— Как госслужащий Подземного мира, ты должен понимать: перемены необходимы. Трудности временны, а будущее прекрасно! Помнишь, как раньше кругом была инфляция из-за избытка ритуальных денег? Мы перешли на систему Иньской жизни и спасли положение. Теперь настало время системы баллов. Ты же понимаешь?

Цинь Шу просто повесил трубку.

Ему не нужно было объяснять дважды. Система баллов — это одновременно и тест, и способ истощить их ресурсы. Когда её введут повсеместно, руководство наверняка доберется и до их излишков Иньской жизни.

Надо же, некогда суровая Преисподняя теперь пустилась на хитрости и маркетинговые уловки.

Перед отправкой он думал, что его цель — просто выполнить условия, указанные в карте. Оказалось, всё иначе. Такие, как он, сами были частью грандиозного плана. Как бы ни благоустроивали Преисподнюю, она оставалась местом холодным и гнетущим. Неужели души так рвутся в мир живых только из-за оклада и льгот?

Вот и он — поначалу сопротивлялся, а теперь не знает, как отпустить то, что стало ему дорого.

Владыка Цуй был прав в одном: Преисподняя не кормит дармоедов. Внутренней работы стало меньше, а очередь на перерождение только растет. Чтобы занять сотрудников, их рассылают по мирам. Но если за одну миссию можно заработать на века спокойствия, руководство не станет на это смотреть сквозь пальцы. Им нужен канал, через который подчиненные будут тратить свои «баллы».

Да... Тонкая игра.

Глядя на мизерную надбавку, Цинь Шу помрачнел. В той жизни он почти все заработанные деньги отдавал на благотворительность. Чэнь Шан заведовал семейным бюджетом, обеспечивал его всем необходимым, и у Цинь Шу просто не было повода тратиться. Среди всех исполнителей он, вероятно, подал самый скромный отчет о расходах. Ему вдруг стало досадно — он явно продешевил.

Спустя какое-то время зазвонил телефон. Это был Юэ Фэй, Божественный посланник из Департамента Скорой Почты.

[Цинь Шу, поступила информация о твоём возвращении. Просим незамедлительно заполнить отчетную форму и явиться в Центральный департамент перевоплощений к Мэн-по, чтобы выпить отвар. Ждем подтверждения.]

При виде слов «Отвар забвения Мэн-по» в глазах Цинь Шу вспыхнул багровый огонь. Он уже потерял Чэнь Шана, а теперь у него хотят отобрать еще и память о нем?

Цинь Шу не мог больше сидеть сложа руки. Он бросился в архив Департамента Законов Преисподней. Как Посланец особого класса, он имел доступ ко всем Залам Преисподней, и его полномочия были выше, чем у обычных служащих.

Однако в архиве ничего не нашлось.

— Почему?! Почему пусто?!

Цинь Шу лихорадочно проверял временные метки. Будь то основная временная линия, побочная или параллельная — стоило ввести координаты, и информация о душах из того мира должна была проявиться. Но сейчас поиск выдавал лишь пустоту.

Здесь явно крылся какой-то подвох. Преисподняя не стала бы тратить столько сил впустую, он определенно что-то упустил.

Цинь Шу пытался восстановить в памяти каждую деталь миссии, но мысли путались.

В комнату просочился знакомый холод. Дверь отворилась, и вошел Цуй Цзюэ в своем неизменном алом одеянии.

— Сяо Цинь, ты всё еще здесь?

Цинь Шу ответил ровным голосом:

— Хотел проверить данные по перерождениям.

Владыка Цуй глянул на его экран, усеянный тревожными красными отметками.

— Эх, капля в море... Такого быстрого эффекта не жди. — Он похлопал Цинь Шу по плечу и громко рассмеялся: — Чуть не забыл поздравить! Твоё задание выполнено блестяще. Я в тебе не ошибся.

Но Цинь Шу не выглядел радостным. Окруженный темной аурой, он казался еще бледнее и мрачнее, чем обычно.

— Что-то беспокоит? — поинтересовался Цуй Цзюэ.

Цинь Шу опустил глаза, скрывая чувства:

— Владыка, я больше не хочу брать задания.

Цуй Цзюэ посерьезнел:

— Так не пойдет. Молодежи нужен опыт, нужно развиваться.

Цинь Шу хранил молчание.

Цуй Цзюэ открыл Книгу Жизни и Смерти:

— Твой подопечный прожил на пятьдесят семь лет дольше положенного, а скольким душам ты помог избежать безвременной кончины! И это только первый раз. С такими показателями нельзя бросать дело на полпути.

Цинь Шу внутренне вздрогнул. Похоже, Владыка Цуй видел в Книге совсем не то, что видел он сам. Было ли это ограничение прав доступа к миру задания или что-то иное?

Заметив его угрюмость, Цуй Цзюэ вдруг догадался:

— А, никак не можешь забыть ту привязанность? Ну ничего, чаша отвара — и все печали как рукой снимет. Иди скорей!

Цинь Шу едва заметно кивнул:

— Слушаюсь.

Цуй Цзюэ остался доволен.

— Вот и славно! Одна нога здесь, другая там. Глядишь, и к следующему делу скоро приступишь.

Когда Владыка ушел, Цинь Шу медленно побрел к мосту Найхэ. Здесь, как и сотни лет назад, было не протолкнуться. С одной стороны моста души еще терзались человеческими страстями: на лицах читались гнев, тоска, обида. Но стоило им выпить Отвар забвения Мэн-по, как все земные чувства обрывались, оставляя лишь пустоту.

Се Биань в своей высокой шапке с надписью «Встретишь — разбогатеешь» вел за собой очередную группу душ. Заметив Цинь Шу, он расплылся в улыбке, хотя на его мертвенно-бледном лице она смотрелась жутковато.

— Давно не виделись! Что это ты на себя не похож?

Цинь Шу скользнул взглядом по душам, но не нашел той, которую искал. Говорить ему не хотелось. Се Биань, будучи с ним в приятельских отношениях, сразу всё понял.

— После первой командировки всегда так, — сочувственно произнес он. — Выпьешь отвару, и всё пройдет.

Цинь Шу криво усмехнулся:

— Не трудитесь давать советы.

Фань Уцзю, подошедший в этот момент, услышал последнюю фразу и вспыхнул было, но Се Биань его удержал. Глядя на их переглядывания, Цинь Шу почувствовал еще большее раздражение. Словно нарочно ища повода для страданий, он не отводил от них глаз.

Внезапно он нахмурился. Лицо Се Бианя...

Пока он пытался поймать ускользающую мысль, Се Биань бросил:

— Сяо Цинь, ты работай, а нам пора дела сдавать. — И потащил Фань Уцзю к стражникам.

Цинь Шу проводил их взглядом, но так и не смог понять, что его смутило. Он снова принялся изучать толпу душ, пока окончательно не разочаровался.

Мэн-по на мосту Найхэ уже рука бойцов колоть устала, разливая отвар. Она давно заприметила Цинь Шу и, как только он подошел, ловко наполнила для него отдельную чашу. Протянув её ему, она выжидательно замерла.

— Мэн-по, — спросил Цинь Шу, глядя на темную жидкость, — это ведь не сотрет мою изначальную память?

— Обижает, — усмехнулась старуха. — Разве я когда-то ошибалась в своем деле?

Вспомнив, сколько переполоха в Преисподней случилось из-за её оплошностей, Цинь Шу подумал: «Она сама, небось, надышалась паров, вот и память подводит!»

«Па-мять под-во-дит!»

Эти слова эхом отозвались в его голове. Он не хотел пить отвар. Не хотел терять эти воспоминания!

Цинь Шу быстро огляделся и, воспользовавшись тем, что Мэн-по отвлеклась, перехватил чашу и одним рывком влил её содержимое старухе в рот.

Мэн-по задергалась, пытаясь вырваться, но отвар уже ушел внутрь. С пустой чашей в руках она замерла, глядя перед собой с полнейшим непониманием: «Что это только что было?»

— Не забудь разбавить водой, — ледяным тоном произнес Цинь Шу. — Не дай бог по ошибке

сотрешь мне старые знания.

Мэн-по словно очнулась:

— Да-да, конечно, Сяо Цинь, не волнуйся. В моем мастерстве можешь не сомневаться!

В итоге Цинь Шу выпил чашу, в которой была почти одна вода. Воспоминания о Чэнь Шане перестали быть обжигающими, но остались в его сердце навсегда, высеченные на камне души. Он коснулся груди. Так было правильно.

Когда он отошел от моста, из тени вышли двое стражей.

— Ты видел? — прорычал Фань Уцзю. — Цинь Шу хитрит. Почему ты мне не дал вмешаться?

Се Биань, знавший крутой нрав напарника, усмехнулся:

— Владыка сказал, что по лицу Цинь Шу видно: он однолюб до мозга костей. Если он упрется и бросит работу, ты, что ли, пойдешь за него в мир живых с парнями миловаться?

Под насмешливым взглядом Се Бианя Фань Уцзю передернуло, и он больше не проронил ни слова.

Цинь Шу не знал, что его маленькую диверсию заметили. Он продолжал прокручивать в голове годы в мире живых, и вдруг одно лицо вспыхнуло перед глазами, как молния в ясном небе. Он понял, почему Профессор Жуань казался ему таким знакомым.

У профессора были такие же тонкие брови и узкие глаза. Стоило ему немного похудеть — и он стал бы на семьдесят процентов копией Се Бианя. Был ли Профессор Жуань тем самым Белым стражем? Цинь Шу жаждал ответов.

Он обернулся, но напарников уже и след простыл. Он остановил пробежавшего мимо призрака-солдата:

— Видел Седьмого господина?

Тот лишь покачал головой. Остальные, кого он спрашивал, тоже ничего не знали. Цинь Шу набрал номер Се Бианя — тишина. Фань Уцзю — не берет трубку. Это молчание было красноречивее слов. Если раньше он только догадывался, то теперь был почти уверен.

Но зачем Се Бианю, Стражу душ, прикидываться профессором?

Вспомнив их краткие встречи, Цинь Шу начал что-то подозревать. В его пустой груди словно ожило и бешено заколотилось сердце. Он вернулся в кабинет и коснулся карты миссии. Теперь он заметил, что надпись «Любовью преодолеть жизнь и смерть» сияет чуть ярче, чем прежде.

Вглядевшись в данные новой задачи, он увидел, как текст на мгновение расплылся, и на карте проступило изображение прекрасного юноши. Цинь Шу впился взглядом в эти до боли знакомые глаза, и в горле у него снова пересохло. Спустя мгновение его губы беззвучно произнесли имя:

— Ци Юань.

<http://bllate.org/book/16121/1587612>